

политика

М. В. Ильин

ФОРМУЛА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-00363а «Суверенитет в условиях глобализации»).

² Springborg 1995.

Основным мотивом для написания данной статьи было желание принять участие в юбилейном номере «Политии», которая уже на протяжении пятидесяти номеров служит замечательным «перекрестком» идей для политологов России. Но не менее важным мотивом было также стремление прояснить некоторые из смысловых структур таких ключевых понятий, как «государство» и «государственность». Дело в том, что в речи отечественных политиков и даже многих политологов слова *государство* и *государственность* сплошь и рядом употребляются таким образом, словно речь идет о чем-то тривиальном и очевидном. А ведь еще Т. Гоббс уподобил государство морскому чудовищу Левиафану². Напомню, что Гоббс использовал для обозначения государства этот библейский образ немисливо сложного существа, поскольку именно Левиафан был символом предельного, непостижимого для людей замысла Господа. Великий страстотерпец Иов, получающий за свою веру одни лишь испытания, никак не может понять, почему Бог посылает ему всяческие бедствия. В ответ на свой ропот он слышит упрек — прежде чем уразуметь мой замысел, пойми связи членов Левиафана, сотвори договор с ним, возьми его в рабы.

Еще три с половиной столетия назад Гоббс признал государство самым сложным на свете явлением, едва ли доступным человеческому познанию. С тех пор этот искусственно сотворенный «земной бог» стал еще сложнее. А вот отношение к нему, напротив, оказалось полностью лишено должного уважения и серьезности. Мы относимся к государству как к простому инструменту вроде чашки или вилки. Мы говорим о нем так, как будто это простая и ясная всем самоочевидность, не давая себе труда задуматься ни о природе, ни о многоаспектности функционирования этого многосоставного «существа», на порядки превосходящего по своей сложности любые доступные для нас компьютерные сети и программы. Ощущение болезненного разрыва между обыденным, по-детски незамысловатым восприятием государства политиками и невероятной сложностью самого этого явления стимулирует к напряженным исследовательским поискам все большее число политологов, включая и автора настоящей статьи. В ней предпринята попытка взглянуть на государство в некоторых неочевидных для многих ракурсах, предложить трактовку важнейших аспектов его природы, или государственности, дать «формулу» сочетания этих аспектов.

**Феномен
государства**

Легкость употребления слова *государство* сама по себе указывает на простоту феномена, который это слово обозначает. И действительно, есть один простой признак, который присущ всем государствам. Это их формальное «равенство» относительно друг друга, точнее, принадлежность к сообществу государств. Но это единственная общая характеристика государств. Все остальные их разделяют.

Итак, территориальные политии принято называть государствами на том основании, что они признаны международным сообществом как суверенные и равноправные его участники. Однако на деле даже свои суверенные prerogatives они используют далеко не одинаково, не говоря о различиях в других отношениях. Некоторые, например, не способны контролировать собственную территорию и границы, выполнять правовые и социальные обязательства. Это так называемые квазигосударства (quasi-states)³. Иногда в «государствах» отсутствует современный аппарат управления, а отдельные структуры не столько осуществляют специализированные функции внутри политии, сколько имитируют их «на экспорт». Имеются и «несостоявшиеся государства» (failed states), от которых мало что осталось, кроме названия и признания.

³ Jackson 1990.

Государства значительно различаются по размерам и мощи (мега-, макро-, мини- и микрогосударства), по способам распределения власти (функциональному, пространственному — федерации, унии, унитарные государства и т.п., гомогенно-национальному или консоциативному, корпоративному и т.д.), по моделям разделения властей (президентские, парламентские и т.п.) и множеству других параметров.

Существуют также территориальные политии, которые официально не признаны как суверенные государства, хотя располагают многими свойствами государственности. Они, например, способны контролировать свою территорию, обеспечивать единое правовое пространство, выстраивать более или менее современную систему государственных институтов и т.д. Немало политий из этой группы «обитают» вне сетки государств — членов ООН не один год, претендуя на международное признание.

Встречаются и территориальные образования, которые не стремятся к международному признанию в качестве суверенных государств, либо являясь частью другого государства, либо обладая особым статусом, обозначающим их определенную зависимость от некоего государства. При этом подобным образованиям присущи многие атрибуты суверенной государственности.

Результаты компаративных исследований позволяют предположить, что в современной мировой политике сосуществуют различные типы суверенных политических акторов, исполняющих роль государств в мировой политической системе. Речь идет о примерно двух сотнях членов мирового сообщества и о нескольких десятках претендентов на вхождение в него. Сравнительный анализ этих казусов показывает, что их нельзя соотносить друг с другом с помощью одного понятия. Приходится дополнять слово *государство* «прилагательными»: социальное,

облегченное, федеративное, консоциативное, корпоративное и т.п. Но этим дело не ограничивается. Выделяются куда более специфичные виды государственности: государства-движения, государства-партии, империи, квазиимперии и прочие системы авторитарного господства. Наконец, нельзя пройти мимо политических структур, чьи претензии на государственность весьма условны и частичны.

Получается, таким образом, что за словами *государство* (*the state* etc.) и — тем более — *государственность* (*statehood, stateness* etc.) скрывается не одно ясно концептуализируемое явление или предмет изучения, а целый набор разнородных явлений и предметов. Данный тезис может показаться спорным множеству коллег, политиков и граждан, с легкостью рассуждающих о государстве и государственности любых стран мира и подразумевающих под этим одно и то же для каждой из них. В этом случае, как я попытаюсь показать дальше, невольно совершается ошибка, о которой говорили А.Макинтайр⁴ и Дж.Сартори⁵.

⁴ MacIntyre 1972.

⁵ Sartori 1994.

Первый саркастически описал компаративиста, решившего предпринять сравнительное исследование дыр. Чтобы быть научным, тот с самого начала отверг обыденное представление о том, что у каждой разновидности дыр своя природа. Главным его желанием было на практике выяснить, чем является «дыра» как таковая. Скрупулезно собрав исходные данные и статистически их обработав, он пришел к следующим выводам: подтвердилась прямая корреляция между совокупной дыроторительной способностью общества и уровнем его экономического развития; установлено позитивное влияние войны на дыроторение и т.п.

Второй изложил ироническую историю о некоем мистере Доу, который работает над диссертационным сочинением. Объектом своего исследования он избрал собакошек (*cat-dogs*), решив проверить гипотезу, согласно которой те издают звуки «гав-гав». Когда оказалось, что такие звуки издают далеко не все, он предпринял еще одно исследование. Теперь проверялась гипотеза, что все собакошки мяукают. И эта гипотеза не подтвердилась. Пришлось Дельфийскому оракулу разъяснить ему, что собакошек не бывает, а есть собаки, которые лают, и кошки, которые мяукают.

И герой рассказа Макинтайра, и мистер Доу, по сути, пытаются изучать нечто, терминологически объединяемое ими в один класс явлений, тогда как такого класса на деле не существует. Действительно, собакошек нет, но имеются, например, домашние животные. Дырой можно признать и шахту, и колодец, и дверной проем, и прореху на куртке. Точно так же есть признанные члены мирового сообщества, среди которых попадают «существа» разных пород и видов, а то и отрядов и семейств. Это гигантские державы (США, Россия, Китай, Индия и др.) и крохотные острова (Барбадос, Сингапур, Мальта и т.д.), демократические республики (Италия, Чили, Молдова и проч.) и наследственные монархии (Бруней, Оман, Марокко и т.п.), старинное и всеми

признаваемое Швейцарское клятвенное сотоварищество и полупризнанное, только возникающее Палестинское государство. Рискну утверждать, что использование применительно к ним слова *государство* сродни обозначению словом *дыра* окопа, форточки, туннеля и т.п. Что до выражения *государственное строительство*, оно требует строгого терминологического уточнения, а также ограниченного и точного использования, чтобы не превратиться в аналог придуманного Макинтайром *дыроторения*.

В чем же причина провала исследований мистера Доу и горе-дырнотца из рассказа Макинтайра? Они совершили одну элементарную ошибку — перепутали термины родовой принадлежности с терминами видовой принадлежности. Чтобы избежать подобных просчетов, следует корректно осуществлять концептуализацию феномена, обозначаемого словом *государство*.

Концептуализация государства и государственности

⁶ Skinner 1989 (русский перевод см. Скиннер 2002).

⁷ Я использую в данном случае слово *господарство*, чтобы отделить специфическую форму концентрации власти вплоть до ее фактической монополизации, точнее, приватизации государем от более современных форм политической организации, традиционно именуемых государством. Внутренняя форма обоих русских слов соответствует внутренней форме слов *dominium*, *dominio*, *lordship*, *Herrschaft* etc.

⁸ Machiavelli 1960: 15.

⁹ Mattingly 1988: 78—86. См. также Reus-Smit 1999: 63—86.

Важнейшим, если не решающим подспорьем в осуществлении корректной концептуализации выступает история понятий (Begriffsgeschichte). За два с лишним тысячелетия существования старинное латинское слово *статус* стало выражением все увеличивающегося ряда политических и социальных понятий. В 1513 г. Николо Макиавелли впервые использовал его (в италянизированной форме *lo stato*) для обозначения нового политического явления⁶. Своего «Государя» он открывает знаменитой фразой: «Все состояния (*tutti li stati*), все господарства (*tutti e' domini*)⁷, которые обладали или обладают верховной властью (*imperio*) над людьми, суть состояния (*stati*) и суть либо республики (*republiche*), либо владычества государей (*principati*)⁸. Здесь совершенно отчетливо и ясно подчеркивается, что абсолютно разным по своей природе политиям (*republiche*, *principati*) присваивается общее наименование — *lo stato*, «состояние».

Чем была вызвана необходимость введения для «сущств» разных видов общей понятийной рамки? Тем, что эти «существа» образовали общий «зверинец». Чуть ли не за два поколения до Макиавелли, еще в 1454 г., итальянские территориальные политии создали прообраз международной системы, так называемую Итальянскую лигу (*Lega Italica*), или, по выражению современного исследователя Г.Мэттингли, «итальянский концерт»⁹. Это сообщество политий было довольно разнородным. В него входили и самодержавная республика города-государства Венеции, подчинившая своей верховной власти (*imperio*) ряд городов «твердой земли» (*terra firma*) в Италии и обширные колониальные владения в восточном Средиземноморье; и Миланское герцогство — система прямого деспотизма Сфорца, возникшая на руинах Амброзианской республики; и Флорентийская республика с присущим ей режимом синьории, соединившая остатки полисной организации со слегка прикрытым деспотизмом Медичи. С юга к этому северо-итальянскому треугольнику центров силы непосредственно примыкала Папская

¹⁰ Mattingly 1988:
81.

область, представлявшая собой «нелепое лоскутное одеяло из феодальных господств (feudal lordships) и мелких тираний, номинально управляемых пожилыми избираемым суверенами»¹⁰. Еще дальше к югу располагалось Неаполитанское королевство — территориальная гегемония арагонской королевской династии. Ядро из пяти ключевых держав дополняла более дробная структура, состоявшая из политий меньшей мощи и влияния, способных лишь подыгрывать солистам «итальянского концерта», но вместе с тем сохранявших определенную долю самостоятельности. Это республики Генуя, Сиена, Лука; Савойское, Мантуанское и Феррарское герцогства, а также герцогства Модены и Реджио. Далее следовали еще более мелкие политии, как правило, зависимые от основных участников системы, — Падуя, Кремона, Пиза, Парма, Брешия, Болонья, Сан-Марино.

Все эти совершенно разные по типу политического устройства, размерам, мощи и степени самостоятельности политические образования оказались «уравнены» как партнеры по «итальянскому концерту» и в данном качестве поименованы словом *состояние* (*lo stato*). При этом имплицитно предполагалось, что «состояния» по смыслу эквиваленты понятию «политический порядок», то есть государства-состояния суть не что иное, как территориальные политии.

¹¹ Sartori 1970
(русский перевод
см. Сартори 2003).

В концептуальном «упаковывании» разных по природе и характеру политий в одну содержательную категорию были скрыты предпосылки «концептной натяжки»¹¹. В результате «натягивания» первоначального понятия «состояния политического порядка на четко ограниченной территории», акцентировавшего *внутренний* порядок, на всех участников *межполитийных* отношений, контролировавших четко ограниченную территорию, но установивших там качественно различный порядок¹², еще в вестфальские времена возникла первая версия зонтичной понятийной категории. Она объединила «состояния» различной природы, масштаба и, что особенно важно, обладающие разными суверенными прерогативами.

¹² Тут зачастую происходит реперсонализация «состояния», нашедшая выражение в формулах Людовика XIV «*L'état, c'est moi*» и Наполеона «*La chose publique, l'état, c'est fut moi*».

На этом, однако, концептное растягивание исходного понятия не остановилось. Произошла еще большая деформация понятийной категории, связанная с «проблемой перемещаемости» (*traveling problem*)¹³ во времени. В итоге мы стали использовать слово *государство* (*the state, der Staat; l'état* etc.) не только по отношению к суверенным участникам сменяющих друг друга международных систем, но и к политиям всех времен, обладающим более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитийные отношения. Правда, при этом было введено вполне оправданное ограничение — наличие структурно дифференцированных органов обеспечения самостоятельности, или правительства, что позволило не «натягивать» категорию государственности на племенные и прочие «догосударственные» структуры власти.

¹³ Сартори 2003,
№ 5: 68—71.

Концептуализация была существенно осложнена постепенным распространением международных систем по всей поверхности плане-

ты, что привело к необходимости усвоения европейского понятия «государство-состояние» в иных культурных и цивилизационных средах. Использованные для его выражения слова многих языков фактически послужили отправной точкой для радикально альтернативных концептуализаций того, что традиционно именуется *lo stato, the state, der Staat, l'état* etc. Это подтверждают примеры китайского слова *гоцзя*, индийского — *радж*, арабского — *дауля*, русского — *государство*¹⁴, корейского — *кукка*¹⁵, финского — *valtio*¹⁶ и т.д.

¹⁴ Золтан 1987; Ingerflot 1993; Хархордин 2002б.

¹⁵ Kyung Moon Hwang 2000.

¹⁶ Pulkkinen 2000 (русский перевод см. Пулккинен 2002).

¹⁷ Подробнее см. Хархордин 2002а, а также раздел «Концептуализация эволюционных форм государственности» в Ильин 1997.

При всем многообразии концептуализаций государственности в разные времена и у разных народов¹⁷ прослеживается общая тенденция к постепенному усилению абстрактности и тем самым обобщающей силы новых поколений понятий. Эта тенденция проявляется в форме перехода от единичных концептуализаций государственности с помощью имен собственных (*Русь, Roma* и т.п.) через партикулярные концептуализации, которые можно распространить на ряд сходных явлений (полис, край, отечество и т.п.), к выделению более общих типов политической организации (республика, империя, государство в смысле «владычество» и т.п.) и, наконец, к максимально абстрактному представлению о состоянии территориальной политической организации (*lo stato, the state, der Staat, l'état* etc.).

Данное историческое развитие сопровождалось созданием далеко не адекватных соответствий новоевропейскому понятию государства-состояния в целом ряде культурно-политических традиций, включая русскую с ее словами *государство* и *государственность*, внутренняя форма и семантические коннотации которых прямо отсылают нас к идее господства и владычества, а не к идее политического порядка.

С учетом всех этих обстоятельств едва ли приходится удивляться тому, что сам «зонтик» нашей обобщающей категории получился многослойным и «клочковатым». В складках этого зонтика без труда смогли уместиться качественно разные политии — от демократий со всевозможными прилагательными до тоталитарных систем (партия-государство, *Bewegungsstaat* etc.).

Вместе с тем подобный «зонтик» позволяет хотя бы в первом приближении дать определение государству. Это территориальная ячейка референтной сетки мировой политики, которая для своей деятельности в данном качестве мобилизует необходимые ресурсы и развивает определенные функции по отношению к аналогичным ячейкам, а также к входящим в состав ячейки единицам.

Понятийные категории

Понятийные категории возникают и функционируют двумя разными способами. Одни соединяют самостоятельно сложившиеся понятия, вторые объединяют понятия сущностно связанные, вытекающие друг из друга. Первые предполагают, образно говоря, концептуализацию «вширь», вторые — «вглубь». Первые связаны отношениями свойства, вторые — родства.

Соответственно, выделяются две основные разновидности понятийных категорий. Условно назовем одну из них зонтичной (соединение разных понятий под общим «зонтиком»), а другую — матрешечной (объединение понятий, «входящих» друг в друга подобно «матрешкам»). Различение это, как мы убедимся, весьма относительное. Многие понятия, включенные в зонтичные категории, сами содержат целые понятийные «матрешки» («матрешка под зонтиком»).

Примером зонтичной понятийной категории может служить уже обсуждавшаяся выше категория «государство». К матрешечным понятийным категориям относятся, в частности, такие, как «суверенитет»¹⁸ и «государственность»¹⁹.

¹⁸ См. Ильин 2005, 2008.

¹⁹ В упомянутых в сноске 18 статьях содержится неточность. Там говорится о зонтичной категории «государственность», тогда как имеется в виду категория «государство».

У каждой разновидности понятийных категорий свои возможности концептуализации, свой образ действия.

Зонтичные понятийные категории формируются с помощью так называемого семейного сходства, то есть посредством установления подобных разнородных явлений. Общие черты возникают благодаря соединению в одной «семье» разных явлений. Иными словами, речь идет о породнении, свойстве, а тем самым — о сродстве. Одинаковые или аналогичные черты образуются у входящих в «семью» предметов — языков, культур, политий — в результате их совместного существования. Подобного рода сходства многие политологи и, шире, обществоведы характеризуют как *аффиность* (*affinity*), заимствуя данное понятие из математики, хотя истоки его биологические. В данном случае можно говорить о позитивном проявлении гэлтоновского эффекта, связанного с диффузией.

Стоящее за словом *государство* позитивное семейное сходство объединяет территориальные политии, выступающие как ячейки координатной сетки мировой политики²⁰. Без этой сетки и ее ячеек всемирные взаимодействия, да и вообще львиная доля повседневных контактов на разных уровнях были бы попросту невозможны. Чтобы эти контакты осуществлялись и координировались, любое место и время действия на нашей планете должны быть соотношены с правовыми рамками той или иной ячейки. Сами же действия должны совершаться по определенным правилам (законам), их правомерность может оспариваться или подтверждаться в судах и т.п. Конечно, отдельные ячейки сильно отличаются друг от друга. Нередко они качественно отличны. Порой историческое развитие усиливает своеобразность некоторых территориальных политий до удивительной степени. Но вместе с тем они принадлежат к одной семье ячеек мировой координатной сетки — и в силу этого обладают семейным сходством.

Для обозначения содержательных, сущностных моментов семейного сходства государств удобно использовать слово *государственность*. В этом случае концептуализация сущности того явления мировой политики, которое мы именуем государством, ведет к развертыванию матрешечной понятийной категории, благодаря установлению функциональных связей между различными «природами» или «сущностями»

²⁰ Традиционные попытки определить сущность государства «изнутри», например, путем подчеркивания значения монополии на принуждающее насилие (М. Вебер), недостаточны, поскольку акцентируют пусть важные, но специфические условия осуществления основной функции — служить ячейкой координатной сетки сначала европейской, а потом и мировой политики. Эти определения хороши в качестве дополнительных, уточняющих.

²¹ В отечественной научной традиции слово государственность используется также для обозначения всех опосредованных форм политической организации, оставляя вне этой широчайшей понятийной категории разве что структуры власти в первобытном роде и в некоторых более сложных структурах типа вождейств.

²² Fukuyama 2005: 84—88.

ячеек. То, что таких природ много, подсказывает обыденный язык — английский. То, что мы называем государственностью²¹, по-английски передается двумя словами — *statehood* (издавна) и *stateness* (сравнительно недавно; мой компьютер все еще маркирует это слово как ошибку). За ними стоят два разных понятия, отражающих разные стороны государственности как безусловного свойства государства-состояния или обязательного условия его существования. Это «статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний» (*statehood*) и «состоятельность как соответствие государства-состояния своей собственной природе» (*stateness*).

В первом приближении различия между статусностью и состоятельностью можно объяснить двояко.

Во-первых, статусность акцентирует исходную функцию государств, тогда как состоятельность — потенциал ее осуществления. В этом смысле яркая и, по сути, справедливая формула Фрэнсиса Фукуямы «„Состоятельность“ прежде всего» («„Stateness“ first»)²² точно отражает практические приоритеты, но не каузально-генетическую зависимость. Следует, впрочем, признать, что высокая степень эффективности и консолидированности политики является одной из важнейших предпосылок обретения статуса в семье государств. (В свою очередь, статусность позволяет развить состоятельность государства.) Возможны, разумеется, исключения, например, *de facto* существующие, но не в полной мере признанные государства (Косово, Северный Кипр, Карабах, Абхазия и т.п.), однако сама аномальность их положения подтверждает общее правило от противного.

Во-вторых, статусность преимущественно (хотя и не исключительно) относится к месту политий в координатной сетке, то есть к их внешнеполитическим особенностям, а состоятельность — к собственным, в основном внутривнутриполитическим, возможностям. В то же время необходимо учитывать, что у статусности имеются и внутренние аспекты, а у состоятельности — внешние. Грубо говоря, статусность можно соотнести с внешними и внутренними сторонами признания властного режима, а состоятельность — с его возможностями, тоже внешними и внутренними.

В научный оборот понятие состоятельности (*stateness*) было, по видимому, введено в 1968 г. Дж.П.Неттлом²³, который трактует состоятельность в основном как способность государства осуществлять свои властные функции, хотя касается и более широкого спектра существенных аспектов государства. Следующий шаг сделал Ч.Тилли в знаменитом сборнике о формировании государств, который вышел под его редакцией в 1974 г. Во вступительной теоретико-методологической главе он ссылается на статью Неттла и определяет состоятельность как «степень, в которой инструменты правления разделены (*differentiated*), централизованы, самостоятельны (*autonomous*) и формально скоординированы друг с другом»²⁴. Наиболее разработанная на сегодняшний день версия

²³ Nettl 1968.

²⁴ Tilly 1975: 32.

²⁵ Bartolini 2000: 313—320; 2005: 69—71, 90—95.

²⁶ Bartolini 2005: 70.

²⁷ Stepan 1978.

²⁸ Linz, Stepan 1996.

данной трактовки понятия «состоятельность государства» принадлежит, пожалуй, С.Бартолини²⁵, который операционализирует его в четырех аспектах: (а) создание организационных возможностей для мобилизации ресурсов, (б) внешняя консолидация территории, (в) поддержание внутреннего порядка, (г) регулирующее вмешательство государства в экономическую и социальную сферы²⁶.

Альтернативная трактовка состоятельности (stateness) была предложена А.Степаном²⁷, а затем развита им в совместной с Х.Линцем книге²⁸. Хотя Степан отталкивается от трактовки состоятельности Ч.Тилли, на деле он операционализирует совершенно иной аспект государственности, а именно отчетливость идентификации граждан с государством как основу их политического поведения и в конечном счете демократического участия. Соответственно, его внимание фокусируется на так называемой «идентификационной проблеме» (stateness problem) — пагубном для демократизации дефиците гражданской идентификации с государством, изучению которого посвящено немало транзитологических работ.

Таким образом, даже беглый обзор позволяет выделить несколько «природ», или сущностей, того явления мировой политики, которое принято именовать государством. Эти сущности логически связаны друг с другом в виде аристотелевской энтелехии.

Энтелехия — ключ к формуле государственности

Аристотелева энтелехия, или осуществленность, включает четыре причины-этиона (*aition* от *aitia* — вина, причина, основание). К ним относятся: (1) «источник первого начала изменения» или первое движущее (to proton kinou) действия; (2) состав, «из наличия чего возникает» действие или его субстанция, материя (hyle); (3) структура, «первообраз» действия или его форма (eidos, morphe, paradeigma) и, наконец, (4) завершенность, «совершенство» действия, его цель (telos).

Любопытно, что еще в своей эпохальной статье 1968 г. Дж.Неттл выделил четыре ключевых аспекта релевантности государства для сравнительного анализа, то есть четыре аспекта государственности. Конечно, он вовсе не соотносил эти аспекты с четырьмя причинами-этионами энтелехии. Более того, его трактовка аспектов релевантности государства для сравнительных исследований довольно схематична и аморфна. Однако Неттл очень точно, пусть и интуитивно, выделил самые существенные, на мой взгляд, моменты природы государства, или государственности.

Что это за моменты?

Первым Неттл называет «набор функций и структур, предназначенных для генерализации их применения»²⁹. Эта нарочито туманное определение, за которое Неттла впоследствии неоднократно критиковали, вполне адекватно. Как поясняет сам Неттл, здесь выделяются «родовые признаки», не связанные с конкретными институтами и

²⁹ Nettl 1968: 562.

³⁰ *Ibid.*: 563. контекстами деятельности государства³⁰. Фактически речь идет, как можно понять из рассуждений и примеров, не о тонкостях управления, а об обобщенной способности осуществлять циркуляцию и конвертацию власти, то есть концентрировать и использовать ресурсы правления, частным, а точнее — предельным случаем чего выступает знаменитая веберовская монополия на принуждающее насилие.

³¹ *Ibidem.* В качестве второго аспекта Неттл указывает на то, что государство является «единицей международных отношений»³¹. Это очень глубокая и принципиально важная идея, которая по большей части вообще не учитывается теоретиками или трактуется крайне поверхностно. А ведь именно этот момент, отражающий статусность (statehood) как принадлежность к сообществу государств-состояний, следует рассматривать как основу всей структуры государственности.

³² *Ibid.*: 564—565. Третий момент, по Неттлу, — автономность государства, то есть высокая степень его выделенности и специализированности по отношению ко всем другим социальным явлениям, которая и позволяет государству утверждать свою самостоятельность и самоценность³².

³³ *Ibid.*: 565—566. Наконец, четвертый аспект связан с социокультурным измерением. Оно предполагает, что государство выступает в качестве главной референтной рамки для соответствующей нации, всей совокупности граждан и каждого гражданина в отдельности³³.

Если теперь соотнести этот перечень основных компонентов природы государства с аналогичными разработками политологов-компаративистов, то начинают проявляться четыре «причины» современной государственности, которые образуют целостную четверицу в полном соответствии с логикой энтелихи.

Исходным моментом, или перводвигателем, государствообразования следует признать статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний (statehood). И исторически, и логически, и прагматически все начинается с включения территориальной политики в сообщество суверенов, с превращения ее в ячейку референтной сетки мировой политики. Далее это исходное единство раздваивается на два новых момента — состоятельность государства (stateness) по Ч.Тилли и С.Бартолини (сюда же относится и первый аспект государства по Дж.Неттлу), с одной стороны, и по А.Степану — с другой. Иными словами, мы получаем субстанциональное самоопределение государства (ресурсы и функции властвования) и условно противоположное им идеальное, морфологическое самоопределение («первообраз», идея государства, а с ней — и идеи нации, гражданства и т.п.). Наконец, эта раздвоенность преодолевается в телеологическом «совершенстве» государства — его автономности, то есть обобщающем самоопределении, в самостоятельности и самодостаточности.

Таковой мне видится «формула государственности». Разумеется, это лишь самая общая и потому предварительная схема, требующая критической проверки. Свое слово здесь должны сказать теоретики, од-

нако наиболее важным мне представляется эмпирическое тестирование как каждого из четырех основных аспектов государственности, так и их соотношения друг с другом.

Библиография

- Золтан А.** 1987. *Из истории русской лексики*. — Будапешт.
- Ильин М.В.** 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. — М.
- Ильин М.В.** 2005. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // *Политическая наука*. № 4.
- Ильин М.В.** 2008. Суверенитет: развитие понятийной категории // *Суверенитет: Трансформация понятий и практик*. — М.
- Пулккинен Т.** 2002. Valtio — история понятия «государство» в финском языке // Хархордин О. (ред.) *Понятие государства в четырех языках*. — СПб., М.
- Сартори Дж.** 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // *Полис*. № 3—5.
- Скиннер Кв.** 2002. The State // Хархордин О. (ред.) *Понятие государства в четырех языках*. — СПб., М.
- Хархордин О.** (ред.) 2002а. *Понятие государства в четырех языках*. — СПб., М.
- Хархордин О.** 2002б. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Хархордин О. (ред.) *Понятие государства в четырех языках*. — СПб., М.
- Bartolini S.** 2000. *The Political Mobilization of the European Left, 1860—1980*. — N.Y.
- Bartolini S.** 2005. *Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. — N.Y.
- Fukuyama F.** 2005. «Stateness» First // *Journal of Democracy*. Vol. 16. № 1.
- Ingerflom C.** 1993. Oublier l'état pour comprendre la Russie? // *Revue des études slaves*. Vol. 66. № 1.
- Jackson R.H.** 1990. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. — Cambridge.
- Kyung Moon Hwag.** 2000. Country or State? Reconceptualizing Kukka in the Korean Enlightenment Period, 1896—1910 // *Korean Studies*. Vol. 24.
- Linz J., Stepan A.** 1996. *Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. — Baltimore, L.
- Machiavelli N.** 1960. *Il principe e discorsi*. — Milan.
- MacIntyre A.** 1972. *Is Science of Comparative Politics Possible? // Philosophy, Politics, and Society*. — Oxford.
- Mattingly G.** 1988. *Renaissance Diplomacy*. — N.Y.

Nettl J.P. 1968. The State as a Conceptual Variable // *World Politics*. Vol. 20. № 4.

Pulkkinen T. 2000. Valtio — The Finnish Concept of the State // *The Finnish Yearbook of Political Thought*. Vol. 4. — Jyväskylä.

Reus-Smit Ch. 1999. *The Moral Purpose of the State. Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*. — Princeton.

Sartori G. 1970. Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. № 4.

Sartori J. 1994. Compare Why and How? Comparing, Miscomparing and the Comparative Method // *Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance*. — Oxford.

Skinner Q. 1989. The State // *Political Innovation and Conceptual Change*. — Cambridge.

Springborg P. 1995. Hobbes's Biblical Beasts. Leviathan and Behemoth // *Political Theory*. Vol. 23. № 2.

Stepan A. 1978. *State and Society: Peru in Comparative Perspective*. — Princeton.

Tilly Ch. (ed.) 1975. *The Formation of National States in Western Europe*. — Princeton.